

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поле смерти

Пепелище. Если копнуть поглубже — угли еще теплые. В углях — обгоревшие кости. Животных и людей. Тела, живые или мертвые, сгорели вместе с усадьбой. С длинным домом, сараями, хлевом... Поле смерти. Здесь она сеяла и жала. Без меня. А я-то думал: мы с ней — накоротке. И в мой дом — никогда...

На берегу остались следы. Человеческие. И от кия драккара.

Набег.

Типичный набег на береговую усадьбу. На мою усадьбу. Викинги.

Здесь оставалась моя жена. Здесь жили мои люди. Теперь — никого. И я не знаю, кто из них жив, а кто — мертв. Будь у меня силы, я рылся бы в пепле, пока не узнал точно: костей моей Гудрун здесь нет. Или — есть.

Но я так слаб, что не могу и десятка шагов сделать, не опираясь на чужое плечо.

Я ничего не могу. Ничего.

Я — Ульф Черноголовый, которого когда-то звали Николаем Григорьевичем Переляком, еще недавно, всего лишь несколько дней назад, был совершенно счастливым человеком. Я был хёвдингом, вождем и предводителем

небольшой, но славной дружины, у меня было два корабля, один из которых — настоящий драккар, не боящийся самых жестоких штормов. И я заплатил за него не серебром, а железом. «Северный Змей». Я взял его в бою у тех, кто искал моей смерти, а нашел свою. Я бился в одном строю с лучшими воинами этого мира. Я дрался во Франции и в Англии и всегда побеждал. Я был сильным и удачливым. А главное — женатым на самой красивой, самой лучшей женщине в этом мире. Гудрун...

Теперь я сижу на пепелище и перебираю теплые угли левой рукой, потому что правая по локоть забинтована...

— Что будем делать, отец?

Это Вихорёк. Мой приемный сын. Он — из словен. Был рабом у франков, но я освободил его и усыновил. Ему не больше пятнадцати, но он уже неплохой воин. Единственный из моего хирда, кто остался на ногах.

— Что будем делать?

Поодаль топчется наемная команда. Десять парней, которым заплатили, чтобы они перегнали кнорр с ранеными из Сконе сюда, в мое поместье. Не считая Вихорька, нас осталось всего семеро. Мой побратим и шурин Свартхёвди Медвежонок, норег Гуннар Гагара, араб Юсуф, сёлундцы Стюрмир, Скиди и Хавур Младший. Все они ранены, и раны их тяжелы. Несколько дней назад эти раны не мешали им убивать врагов. Но то был бой. А теперь лишь Стюрмир да я можем ненадолго встать на ноги. Да и то с чужой помощью. На берег гребцы снесли нас на руках.

— Виги, — я называю Вихорька его скандинавским именем, — нам нужна помощь. Ты отправишься в усадьбу госпожи Рунгерд и приведешь ее. Если поторопишься, успеешь до темноты.

Я не хочу даже думать, что и там может быть такое же пепелище. У Рунгерд — большой одаль¹. Много сильных мужчин, среди которых несколько воинов. Там есть кому защищаться.

Защищаться... Вот что меня смущает. Я не вижу следов того, что усадьбу брали штурмом. Дом и постройки сгорели, но ворота — целехоньки. Конечно, через такой забор, как у меня, можно и перелезть, хотя теперь он повыше и покрепче, чем был, когда я покупал эту землю. И по-настоящему сильных бойцов в усадьбе не осталось, но и бонды, и трэли должны были знать: нападение возможно. И, уходя в поход на Сконе, я велел Гудрун, чтоб были на чеку. Сторожить круглые сутки. Особенно — со стороны моря. Если закрыть ворота, то даже плохие бойцы могут какое-то время продержаться.

— Я никуда не побегу! — заявляет Вихорёк. — Я вас не оставлю!

— Побежишь, — устало говорю я. — Но сейчас вот что... Поищи-ка чужие стрелы...

— Ага! — Вихорёк решил, что я по стрелам хочу узнать, кто это сделал. Такое возможно...

Но не сегодня.

Через четверть часа паренек возвращается. Он очень удивлен. Осмотрел частокол снаружи, землю во дворе... И не нашел ни одной стрелы. Тогда умный мальчик решил поискать не чужие, а наши стрелы. Снаружи. И тоже ничего не нашел.

— Они как будто не оборонялись... Колдовство?

Скорее предательство. Небось пообещали, что никого не тронут...

---

¹ Одаль — наследственный семейный надел.

— Кому тут было обороняться... — басит Стюрмир. — Бабы да трэли...

— Здесь оставался отец Бернар... — напоминает Вихорёк.

Отец Бернар — монах. И великолепный лекарь. Я привез его из Франции. Он сам решил так. Мечтает обратиться нас в христианство. Однако до того, как стать монахом, отец Бернар был воином. И я подозреваю, что не просто воином, а шевалье. Рыцарем... Но, приняв обет, больше не отнимает жизни, только спасает... Вот и спасал бы. С оружием в руках...

Вихорёк со Стюрмиром затевают спор... Который я прерываю:

— Все, дренг! Бегом за Рунгерд. Со всех ног!

Вихорёк опять пытается протестовать, но я показываю на раненых и говорю: промедлишь, они умрут. И Вихорёк затыкается. Так и есть. Нам остро нужна медицинская помощь. Юсуф — при смерти, Скиди и Хавур — тоже совсем плохи. Я надеялся, что здесь нас встретит отец Бернар, но теперь вся надежда только на Рунгерд. Мать Гудрун — отличная лекарка. И не просто лекарка — знахарка и колдунья. Ее бабка была настоящей финской вельвой, и Гудрун утверждает, что все бабкины знания и таланты достались матери.

Только бы Рунгерд не постигла та же беда... Надеюсь, что нет. Все же ее одаль не имеет удобного выхода к морю...

— Хёвдинг...

Старший команды сконских гребцов. Его зовут Барни. Барни Средний. Для него я все еще хёвдинг.

— Хёвдинг, скажи, чем мы можем помочь?

«Помогите похоронить мертвых», — сказал бы я, но кости подождут. Может, попросить Барни побыть с нами, пока не вернется Вихорёк? Я бы попросил, если бы он

не назвал меня хёвдингом. Вожди о таком не просят. Во всяком случае — бондов.

— Сделайте навес из запасного паруса и перенесите под него раненых, — сказал я. — А потом можете возвращаться домой.

Возвращаться они будут тоже морем. На парусной четырехвесельной лодке. Конечно, на такую ораву лодка маловата, но плыть недалеко. Заплатили им вперед. Это такой мир: чужого могут зарезать за пару серебрушек, но со своими все договоренности — это святое. Боги же слышат...

— Ага, — кивнул головой Барни. — Только мы, пожалуй, останемся здесь на ночь. Я видел следы волков. Волчья шкура мне бы не помешала.

Угу. Осенняя волчья шкура — это особенно ценно. Под ноги плешивый коврик подстелить. Очень тактично, однако. В моем нынешнем состоянии я все еще могу убить волка, если тот полезет на меня. Но защитить товарищей — вряд ли.

— Оставайтесь.

Вихорёк бежит как викинг. То есть примерно от шести до двенадцати километров в час. В зависимости от рельефа. До усадьбы Рунгерд километров двадцать пять, если по дороге, а если напрямик — то не больше пятнадцати. Но не факт, что так будет быстрее. Часа два, это наверняка. Потом еще час, чтобы собраться... И обратно они двинут уже конно. Это еще часа два. К этому времени уже стемнеет...

Барни меня разбудил раньше, чем стемнело.

— Кто-то едет, хёвдинг! — сообщил он напряженно.

Его люди сгрудились в кучу, блокируя ворота, выставили копыя. Они, конечно, бонды. Но — скандинавы. Значит, вооружены и готовы пустить оружие в ход. Однако даже для трех-четырех настоящих воинов вся эта грозная ватага —

на один зуб. Да что там... Одного меня хватило бы, будь я в форме.

А конных, судя по звуку, не меньше дюжины.

Пару минут спустя я их увидел. Поверх голов сконцев-гребцов. Увидел настоящую броню на первых двух всадниках и понял, что если это враги, то нам крышка.

— Отец!

Вихорёк вырвался вперед, обогнав передовых, спрыгнул с коня. Строй сконцев рассыпался. Я услышал облегченные выдохи. Эти парни тоже знали: окажись всадники врагами — никаких шансов.

Первый боец сдвинул на затылок шлем. Гнуп Три Пальца. А второй...

— Рунгерд!

— Свартхёвди?

Я показал.

Рунгерд опустилась на колени, прижалась ухом к груди сына...

— Хавчик!

— Мой господин!

— Хавчик, кто это сделал?

— Не знаю, господин! — На лице моего раба искреннее горе. — Мы увидели дым, но не поняли сразу, что горит. Думали — это смолокуры...

— А где был ты?

— Гудрун, мой господин, — Хавчик вздохнул сокрушенно, — послала меня договориться с углежогам.

Вид у него был виноватый. Как будто мой мелкий раб мог бы что-то изменить.

— Я рад, что ты жив.

Это хорошая новость. Хавчик — везунчик. Потому что его не было в усадьбе во время налета. Все остальные — были.

Еще одна хорошая новость: одаль Рунгерд и Свартхёвди не пострадал.

На этом хорошие новости заканчивались. И начиналась беда.

Рунгерд вряд ли было легче, чем мне, но она — сильная женщина и понимала, что скорбеть некогда. Надо спасти тех, кого можно спасти.

Через три часа высококвалифицированная, по местным меркам, медицинская помощь была оказана всем раненым. Включая меня.

Разбинтованная рука выглядела ужасно. Меня это не удивило. Болела она знатно. Но, к моему удивлению, Рунгерд больше беспокоил порез на левом боку, хотя железо прошло неглубоко — до ребер. Да и болел бок, в сравнении с рукой, очень умеренно, и рана уже начала затягиваться. Вообще, все мои многочисленные ранения оказались поверхностными. И это было не столько везение, сколько заслуга самых лучших доспехов этого времени. В чем мне действительно повезло, так это в отсутствии серьезных переломов. Когда тебе со всей дури зафигачат топором по тушке, доспех, может, и выдержит, а вот то, что под ним, — не факт. Значит — не зафигачивали. Целы мои косточки. В основном. Два пальца на руке сломаны, но это мелочь.

В общем, моя рука Рунгерд не озаботила, а вот рану на боку она вскрыла, вычистила (я старался сохранить лицо, но время от времени кривился и порывивал) и зашила по новой.

Кстати, мною Рунгерд занялась в последнюю очередь. По ее понятиям, я был самым «легким» из уцелевших. Так что, обрабатывая меня, Рунгерд параллельно выдавала прогноз по остальным пациентам.

Медвежонок — в тяжелом состоянии. Перелом двух ребер и левой руки, множественные травмы мягких тканей,

серьезная кровопотеря... Которой не было бы, если бы его сразу перевязали. У берсерков в боевой фазе раны практически не кровоточат.

Однако Рунгерд уже знала, как было дело, потому не удивлялась. Сконцы ведь готовили нас не для полноценной жизни, а для мучительной смерти, так что медицинская помощь была минимальной. Но прогноз по своему сыну Свартхёвди она выдала оптимистический. Побочный эффект «берсеркерства» — ускоренная регенерация. И, надо полагать, повышенный иммунитет, потому что раны у берсерков не загнивают, если их правильно обработать. Так сказала Рунгерд, и я ей верил. У нее был соответствующий опыт. Покойный муж был тоже из «воинов Одина».

Хуже обстояло дело с моим лучшим учеником Скиди. Многочисленные раны, причем две опасные: в спину пониже лопатки и в бедро. А еще одна — очень опасная: в брюшную полость. Та, к счастью, не воняет, так что есть шанс, что парень выкарабкается.

А вот здоровяк Стюрмир выздоровеет точно. И уже через месяц сможет встать в строй. Аналогично — Гуннар Гагара.

На этом оптимистические прогнозы иссякли. Рунгерд честно заявила: двое оставшихся, Хавур и Юсуф, скорее всего, покойники. За Хавура Рунгерд еще поборется — попросит богов, а вот за Юсуфа просить некого. Его бог остался далеко на юге.

— Но ты все же попытайся, — попросил я.

Рунгерд поцеловала меня в щеку и шепнула, что сделает все, что сможет. Мне стало трудно дышать. Волосы Рунгерд пахли тем же благовонием, что и волосы Гудрун на нашей свадьбе...

Внучка финской вельвы-колдуньи угадала мои мысли.

— Ты поправишься, — пообещала она. — И отомстишь!

Но что мне месть? Разве месть вернет мне любимую?

— Вели поискать в углях, — попросил я. — Если она умерла, я должен это знать!

— Гнуп уже ищет, — сказала Рунгерд. — Поешь. Ты должен снова стать сильным. Боги сохранили тебя для того, чтобы ты отомстил за мою дочь!

Для Рунгерд моя жена уже была мертва. И это было плохо, потому что Рунгерд — колдунья и может видеть то, что скрыто.

Но я хочу не мстить, я хочу вернуть Гудрун!

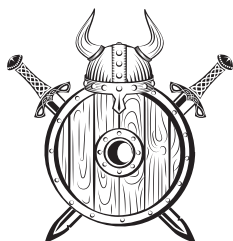
— Ты чувствуешь, что ее нет в живых? — спросил я напрямик.

Рунгерд покачала головой.

— Убили или увезли, неважно. Она скорее убьет себя, чем станет рабыней-наложницей. Я не знаю, жива ли она, но я знаю свою дочь.

В этот момент Хавчик кормил меня с ложечки. И я чуть не подавился, когда Рунгерд это сказала. К сожалению, так и есть. Если моя жена еще жива, то ей осталось недолго. Она из рода викингов, а из них — плохие рабы. Даже прикованные к веслу галеры, они все равно остаются опасными. Потому что с легкостью обменяют свою жизнь на смерть врага.

Последнее, что я помнил: в темноте меня укладывали на телегу.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Ульф принимает гейс
и нежданного гостя

Очнулся я только через три дня. Рунгерд поила меня травками, чтобы я не просыпался.

— Тебе нужно было отдохнуть, — пояснила она.

— Как Свартхёвди?

— Спит. Он поправится.

— А остальные?

— Будут жить.

Она постарела, королева Рунгерд. Морщинки вокруг глаз, уголки рта опустились, глаза больше не сияют... Я знаю, что Медвежонок для нее много дороже Гудрун, но дочь она тоже любила...

— Все — выживут? Даже Юсуф?

— Все.

В голосе ни радости, ни гордости.

— Хочешь есть?

Я хотел. Рунгерд распорядилась, и мне принесли сваренную на бульоне кашку.

— Я приказала убрать твой кнорр в сарай, — сообщила Рунгерд.

— Спасибо!

До следующей весны я точно никуда не поплыву. Да и не с кем. У меня больше нет хирда. И нет никого, кого я мог бы попросить помочь. Мой хирд, мои соседи, которых я повел на Сконе... И которые почти все там остались.

Конечно, у меня были деньги. Уцелели даже те, что были спрятаны в усадьбе. Злодеи их не нашли. Но это не радовало. О деньгах знала только Гудрун. То, что они на месте, — косвенное доказательство того, что она мертва. У живой Гудрун враги сумели бы выпытать место схрона. Что-то, а это викинги умеют.

Деньги пригодятся. К весне я, скорее всего, уже поправлюсь и смогу действовать. Это значит — купить драккар, нанять или собрать команду и плыть... Мстить. Вот только куда? Со временем станет ясно. С началом судоходства начнется на побережье обмен информацией. Мои деньги, связи моих родичей... Может, и Рагнар поможет. Или Стенульф. Логика подсказывает: те, кто напал на мой грэнд, были в курсе, что меня там нет. Ни меня, ни моих людей. Следовательно, это кто-то из наших врагов-сконцев. С большой долей вероятности. Если это так, то Каменный Волк вынюхает. Он ведь тоже, считай, наш родич.

— От Стенульфа — никаких вестей?

Рунгерд покачала головой.

Хотя это я тороплюсь... Рано еще. Гребцы только позавчера вернулись на Сконе. Допустим, Каменный Волк с ними повидался (а как же иначе?) и узнал о том, что случилось. Требуется время, чтобы выяснить, кто из сконцев набежал на мое поместье. Если, конечно, это были сконцы...

«Лежи и лечись», — приказал я себе.

Ну да, это было не то что правильным — единственно возможным решением.

Ждать весны. И ждать хоть каких-нибудь вестей. Если Гудрун жива... То до весны она вряд ли доживет. Ее мать

права: такие, как моя жена, не умеют жить в рабстве. Мне остается только надеяться...

— Рунгерд, что говорят руны? — спросил я. — Ты спрашивала?

Конечно, спрашивала. Но результата я не узнал.

— Пей и спи, — заявила Рунгерд, глядя мне прямо в глаза. — Скоро тебе понадобятся силы.

Скоро — это вряд ли. До весны еще до-олго...

На следующий день я проснулся сам. И сам поел. И сам сходил на крылечко. Цепляясь за стены, но сам. Жить буду. Рука почти не болит, это наверняка снадобья Рунгерд. Природные анестетики плюс немного колдовства.

Как же так вышло, что я все потерял? Гудрун, хирд, собственную силу... И во всем виноват сам. Какого хрена я поддался уговорам и поперся грабить Торкеля? Что мне стоило собрать своих, загрузиться на «Северного Змея» и вернуться домой? Молодожен, блин!

Сердце просто на части рвалось. Гудрун, моя Гудрун!.. Мог бы — в одиночку помчался бы в Роскилле, собрал новый хирд... Не могу. Слабость чертова... Еле-еле до крыльца дошел — отлить...

«Не смей впадать в уныние! — велел я себе. — Она — датчанка. Потомок многих поколений скандинавских воинов, главное достоинство которых — умение выживать. А ты, бывший хёвдинг, бери пример с Рунгерд. Посмотри, как она держится!»

Сам я продержался еще три дня.

Три дня и три ночи. Я думал о Гудрун. И наконец она мне приснилась. Она бежала ко мне и смеялась. А между нами был обрыв. Я кричал ей, хотел предупредить, но она

не слышала... Я видел, как она падает. Слышал ее крик... А потом прыгнул вниз... И проснулся.

В тот день я дошел до ручки, заистерил, нарычал на Рунгерд...

А она — заплакала.

Только однажды я видел, как королева Рунгерд теряет самообладание. В тот день, когда стало ясно, что Медвежонок стал берсерком.

Этот раз был вторым.

И я понял, какая я дрянь. И услышал, как скрипят зубы. Мои.

Хватит! Я — воин, а не тряпка! Я не могу вернуть прошлое, но свое будущее я создаю сам. И я сделаю все, что от меня зависит. Железом и золотом. Огнем и кровью. Все, что у меня есть, я вложу в это дело. В спасение, если это возможно. В месть, если спасти некого.

Я схватил Рунгерд за руку и потребовал:

— Дай мне меч и помоги встать.

Она послушалась. И плакать перестала. Вероятно, что-то такое было в моем голосе.

Минутой позже я поставил ногу на деревянную колоду, изображавшую стул, положил левую, здоровую руку на оголовье Вдоводела, возвращенного мне Каменным Волком:

— Я, Ульф Вогенсон, прозванный Черноголовым, даю эту клятву пред всеми, кто меня слышит, людьми и богами в том, что не успокоюсь, пока не узнаю, кто напал на мой грэнд и погубил моих людей. Не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось с теми, кого они забрали, и не покараю совершивших беззаконие без жалости и пощады! Я клянусь, что у меня не будет других женщин, пока я не найду мою жену или не узнаю наверняка, что она мертва!

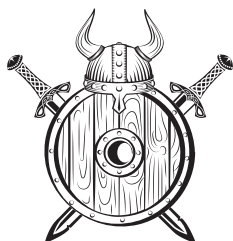

И будто током ударило. Причем не в левую руку, а в правую. Да так сильно, что я содрогнулся. И увидел моего Волка. Белый зверь оскалился яростно, угрожающе... И я понял: он сердится не на моих врагов — на меня. Моему неведомому мистическому покровителю не понравилась моя клятва.

Но дело было сделано, гейс принят, и обратно дороги не было.

И словно в подтверждение того, что клятва одобрена, в поместье приехал Ивар. Ивар Рагнарсон. Ивар Бескостный. Вот уж кого я меньше всего хотел бы сейчас видеть...

А зря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Клятва Ивара Рагнарсона

Ивар приехал с дюжиной головорезов, но вошел в дом один.

Настоящий конунг. Серебряный с золотом панцирь, штаны ярчайшей синевы заправлены в красные, с серебряными узорами сапоги. Пояс так щедро украшен серебром, что кожи не видно. В оголовье меча — красный камень размером с голубиное яйцо. Цепь на шее — из червонного золота. Рукава бархатного плаща прихвачены браслетами. Тоже золотыми. Словом, вид истинно королевский. Разве что вместо короны — легкий шлем с выпуклым золотым львом.

— Я буду говорить с ним наедине, — не слишком вежливо объявил Рагнарсон. Но спорить с ним никто не стал. Даже хозяйка, Рунгерд.

Длинный дом вмиг опустел.

Остался Медвежонок, но он не в счет. Его душа — не здесь. Витает в горних мирах после материнских настоек.

Старший сын Рагнара Лотброка пододвинул колоду, на которой я вчера принес клятву мести, уселся, расставив ноги:

— Что, Ульф-хёвдинг, иссякла твоя удача?
Я молчал. Что тут скажешь?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Поле смерти	3
Глава вторая, в которой Ульф принимает гейс и нежданного гостя.....	12
Глава третья. Клятва Ивара Рагнарсона.....	17
Глава четвертая. Руны говорят.....	24
Глава пятая. Связи крови и долга	28
Глава шестая. Закон свободных.....	33
Глава седьмая. Предательство	48
Глава восьмая. Он умрет!.....	59
Глава девятая. Счет открыт	78
Глава десятая. Поединок.....	87
Глава одиннадцатая. Мстители	94
Глава двенадцатая. Ярп Большой Бобер и полезные новости	97
Глава тринадцатая. Разбой	109
Глава четырнадцатая. Справедливый суд в Хедебю	120

Глава пятнадцатая. Новый хёвдинг.....	131
Глава шестнадцатая. Несостоявшееся убийство.....	137
Глава семнадцатая. Родной дом Лейфа Весельчака	143
Глава восемнадцатая. Время истекло	153
Глава девятнадцатая. Вагбранд-ярл, сын Вигмарра Зубовный Скрежет.....	159
Глава двадцатая. «Одину понравится...».....	166
Глава двадцать первая. Исправление ошибки	174
Глава двадцать вторая. Отнять, чтобы выжить	182
Глава двадцать третья, в которой Ульф в очередной раз осознает свою ущербность.....	188
Глава двадцать четвертая. В плену у норегов.....	196
Глава двадцать пятая. Женщина с оружием.....	203
Глава двадцать шестая, которая начинается с попытки убийства, а заканчивается великой поэзией.....	210
Глава двадцать седьмая. Битва на отмели.....	217
Глава двадцать восьмая. Конунг Хальфдан Черный и его белокурая дочь.....	231
Глава двадцать девятая. Сватовство берсерка.....	250
Глава тридцатая. Любовь по-древнескандинавски	258
Глава тридцать первая. «Ваш берсерк умрет!».....	265

Глава тридцать вторая. Хольмганг на неравных условиях.....	275
Глава тридцать третья. Поединок воинов Одина....	284
Глава тридцать четвертая. Йоль.....	289
Глава тридцать пятая. Хаки и его оборотни.....	298
Глава тридцать шестая. Домой!.....	310
Глава тридцать седьмая. Зеленые леса Сёлунда	324
Глава тридцать восьмая. Набег.....	333
Глава тридцать девятая. Беда	350
Глава сороковая. Победа, Вера и Сигурд Рагнарсон.....	355
Эпилог.....	363

Литературно-художественное издание

Александр Мазин

ВИКИНГ ТАНЕЦ ВОЛКА

Ответственный редактор *В. Атамашкин*
Выпускающий редактор *Г. Логвинова*
Технический редактор *Т. Ткачук*

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 07.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Свои пожелания и предложения по качеству
и содержанию книг вы можете сообщить по e-mail:
idea@fenixrostov.ru.